

СЧАСТЬЕ

КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Бывают времена и похуже, но счастье, вне зависимости от смены времен и социальных переворотов, неизменно сопровождает человеческое существование на земле, присутствуя как обязательный компонент человеческой жизни.

Как социальный феномен счастье есть цель человеческого сообщества, и история человечества подтверждает попытку решать практически эту проблему, приближая счастье как цель, достигая и все более удаляясь от этой цели. Категория счастья всегда привлекала философскую мысль ученых всех эпох и всех стран. Но суть проблемы, скрытой за данной категорией, как-то ускользала от исчерпывающего решения, а веер найденных решений оказывался через какой-то исторический период эфемерным и примитивным. Реальная деятельность социал-утопистов – тому подтверждение. Изменялась жизнь в своем движении, содержании, понимании – в соответствии тому перестраивалось представление о счастье в общественном и индивидуальном сознании человека.

Каждое новое поколение вынуждено заново для себя находить решение, несмотря на усилия величайших умов. Более того, каждый отдельный человек лично для себя тоже должен выявить сущность счастья как цель собственной жизни – и тоже, несмотря на исторические достижения философской мысли.

Многомерность мира и объектов действительности заставляет прежде всего определять ракурс рассмотрения счастья как феномена социально-психологической реальности: с какой точки зрения смотрим на это сложное явление.

С позиции социальной, счастье есть наилучшие условия для благоприятнейшего развития человека и наивысшие условия для максимального общественного развития.

С позиции философской, счастье отражает оценочное отношение человека к жизни как таковой и к проживаемой собственной индивидуальной жизни.

С позиции психологической, счастье предстает в качестве осознаваемого человеком высокого положительного эмоционального состояния, проживаемого в ходе течения жизни.

С позиции культурологической, счастье – это отражение исторически формирующегося представления человечества об эталоне жизни, жизни желаемой, о жизни, которая бы представляла собою высочайший образец назначения человека как наивысшего органического существа на земле, способного конструировать жизнь.

Иначе вырисовывается проблема счастья, если ее ставит педагог-воспитатель. Весомым педагогическим аргументом в пользу педагогического рассмотрения этой непростой проблемы является сопоставление счастливого и несчастного человека. В таком сопоставлении нет трудности, ежедневно наше сознание схватывает особенности поведения счастливых людей и людей несчастных, ежечасно педагог наблюдает влияние на успешность личного развития детей, проживающих счастье, и детей, лишенных такой возможности. Мы видим,

- как раздражительны и агрессивны несчастливые при любой мелкой неприятности или оплошности окружающих, но спокойны и великодушны счастливые;

- как легко разрушаются межличностные связи несчастливых людей при самого разного рода жизненных осложнениях, но расширяется круг межличностных отношений и укрепляются связи в тех же ситуациях у счастливого;

- как безразличны к окружающему миру потерявшие веру в добро несчастные, но активны, инициативны и энергичны счастливые;

- как подвержены асоциальным, религиозным и антисоциальным влияниям несчастливые, легко попадая в руки растлевающих молодежь бизнесменов наркотиков, никотина и алкоголя, но минуют, как правило, такое воздействие счастливые;

- как, в конце концов, общее поведение несчастливого приобретает черты «девиантного» поведения (так любят говорить психологи, скрывая за этим хитрым словом непонимание истоков осложненного поведения) – как если бы человек стал сбиваться с дороги жизни.

С точки зрения педагогической, счастье есть условие жизни и единственно возможное условие развития ребенка, фактор его физического и духовного восхождения к культуре человечества.

В системе воспитания детей счастье выступает педагогическим условием активности ребенка, играет роль педагогического средства, потому что счастье наделяет ребенка высокой энергетикой, бодростью, способствует максимальному напряжению физических и духовных сил. Гуманистическое воспитание выдвигает категорию счастья в качестве цели воспитания.

Педагогическое целеполагание гуманистического воспитания включает в свой состав задачу формирования способности у ребенка быть счастливым как элемент общей цели воспитания – «личность, способная строить жизнь, достойную человека».

Счастье – продукт социально-исторического развития человека на земле. Это удивительное, сложное социально-психологическое явление рождалось вместе с человеком и видоизменялось в соответствии с его формированием и восхождением на высокие ступени культуры. Категория счастья не присуща миру животных, хотя люди склонны наделять братьев меньших человеческими свойствами и некоторые формы поведения животных классифицировать как счастье.

Нельзя говорить о счастье бегающего весело по полю жеребенка. Нет счастья у котенка, здорового, молодого, красивого и сильного, его игры отражают состояние, которое имеет другие характеристики. Столь же неправомерно говорить о счастье соловья, распевającego в чудесные летние ночи.

Основанием для существования феномена счастья является способность человека быть «homo sapiens», производить оценку своей жизни благодаря мышлению, позволяющему как бы производить раздвоение личности и самооценку своего «Я» в мире и своей жизни в сопоставлении с идеальным ее образом. Каким бы радостным и веселым ни выглядело животное, говорить о счастье тут не приходится, ибо ни одно животное, не будучи субъектом и не обладая самосознанием, не является носителем счастья. Способность человека к счастью основана на этом сущностном отличии его от других биологических существ и организмов. Счастье возникает только там, где есть социум, как бы ни были похожи на счастье милые и красивые эпизоды из жизни животных.

Позволим себе привести фрагменты из рассказов всемирно известного писателя, ветеринарного врача Джеймса Хэрриота.¹

– ...Я с интересом следил за собакой. Ее поведение явно диктовалось не просто любопытством: каждое ее движение было проникнуто какой-то трепетной заботливостью.

– Знаете, Эрик, мне так и кажется, что эта собака ... принимает активное участие в лечении.

Фермер засмеялся.

– Тут вы в точку попали. За Джуди это водится. Не собака, а прямо больничная сиделка. Чуть что не так, а она уже на посту. И ее не отгонишь!.. Джуди считает, что вся наша живность находится на ее попечении... Ей нравится во все соваться. Она ведь вылизывает каждого новорожденного теленка, а когда наша кошка котится, то и каждого котенка...

– Во всяком случае, Джуди довольна, – сказал я.

– Еще как!..

Я взглянул на дверь и увидел, что Джуди торжественно выступает по двору, неся во рту что-то желтое и пушистое.

Я вытянул шею.

– Что это она несет?

– А цыпленка.

– Цыпленка?

– Ну да. Вывелись месяц назад. Так старушка решила, что им лучшее место в конюшне. Устроила им там гнездо и все пробует свернуть вокруг них...

Принципиальное отличие самого изумительного поведения животных от аналогичного поведения человека заключается в такой малости, как субъектность. Человек осознает себя носителем определенного состояния и отношения, он свое «Я» воспринимает как лицо, несущее отношение. Таким свойством не обладают животные. Категория счастья не располагается в пространстве биологического мира, лишенного субъектности. Как ни жаль, но счастья нет у наших четвероногих любимцев, но зато есть проживаемые подобные счастью состояния: удовольствие, приятствие, ра-

---

¹ Джеймс Хэрриот. Собачьи истории. -- М., 1994, с.303-305.

дость, нега, наслаждение, эйфория, довольство. Для счастья необходим выход на абстракцию, обобщенное представление образа жизни, необходимо возвести этот образ в некий объект и ему, этому объекту («жизнь»), дать оценку.

«Я существую для того, чтобы прожить свою жизнь так, чтобы она сделала меня счастливым»²

Такой уровень активности во взаимодействии с миром не свойственен животному.

Счастье – категория, созданная разумом социального человека, обозначающая феномен, свойственный лишь человеческому обществу. Это явление родилось только там, где, во-первых, возникла настоятельная необходимость выстраивать собственную жизнь и, во-вторых, выстраивать ее в согласии с образом жизни, который появлялся в голове до момента практического ее конструирования. Счастье вошло в социо-культурный мир, знаменуя способность человеческого мозга воссоздавать желаемую жизнь как общий образ и сопоставлять реальное и проецируемое.

Каково предназначение этого феномена? Зачем оно, счастье, родилось и существует вместе с жизнью общественного человека на земле?

Несмотря на величайшую силу инстинкта жизни, данного человеку природой, привязанность человека к жизни нуждается в поддержке и сохранении, так как социальные разрушительные влияния превосходят порой органическую силу инстинкта жизни. Процесс конструирования жизни труден, общество далеко не справедливо, человек слаб и часто отступает в жизни, обстоятельства не всегда милостивы к нему, а по отношению друг к другу люди часто жестоки, поэтому нередко человек не выносит тяжелой судьбы и готов распрощаться с жизнью. Депрессия и аффект затмевают его рассудок. Счастье выполняет сохраняющую и поддерживающую функции, выступая в роли своеобразного способа защиты жизни, привязывания человека к жизни, когда он, «полюбя жизнь» (Л.Толстой), не может прервать ее (суицид). Во имя счастья субъект производит иногда колоссальные сверхчеловеческие уси-

---

² Бах Ричард. Чайка Джонатан Ливингстон. Иллюзии. – «София», 2003, С.197.

лия, сопротивляясь страшным, невыносимым обстоятельствам, и – продолжает жить.

Вот рассуждения одного из умудренных жизненным опытом героев художественного произведения.

Старик Сантьяго (Э. Хемингуэй «Старик и море») осмысливает ситуацию одного конкретного момента своей жизни: «...Может, сегодня счастье мне улыбнется. День на день не приходится. Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов».

Способность проживать счастье есть сущностная характеристика человека, она показывает, каким человек должен быть среди всего, что существует на свете: на протяжении жизни он должен состояться, самораскрыться и реализовать все заложенные в нем возможности.

Удовлетворенность жизнью предполагает, что субъект способен на восприятие жизни как таковой, которая предстает перед ним в его сознании как некая обобщенная картина, как понятие, наделенное признаками.

«Пчела распознает цветы по их окраске или аромату. Философия ей ни к чему. И, если ограничиваться обыденными вещами повседневной жизни, то проблема объективности выглядит как надуманные философские измышления.

*Не так, однако, обстоит дело в науке, где зачастую приходится иметь дело с явлениями, выходящими за рамки обыденного, повседневного опыта... Мы встречаем явления, ничем не напоминающие привычные повседневные явления и которые могут быть описаны только с помощью абстрактных концепций».*³

Социальная значимость жизни и удовлетворенность жизнью как таковой есть продукт высокого уровня обобщения и интеллектуального усилия развитого субъекта.

³ Борн Макс. Моя жизнь и взгляды. – М., 1973, с.125.

Говоря о счастье, нельзя изолированно рассматривать автономный внутренний социально-психологический мир отдельного человека, испытывающего счастье. Социальный облик человека формируется в обществе, человек не может стать человеком в изоляции, его вводит в мир общество, оно регулирует и наполняет его поведение социальным сознанием. Человек как порождение социума утверждает себя через социально осмысленную деятельность (творческую, умственную и физическую). Для ощущения счастья ему необходимо межличностное взаимодействие с людьми, взаимообразное участие и соучастие в их жизни. Сама жизнь мыслится им не иначе как с другими людьми.

Только в совместной общественной деятельности, в человеческом обществе он может быть счастлив, сравнивая свой образ жизни с другими вариациями проживания жизни на земле, сопрягая его с уровнем современной культуры и ее требованиями к человеку, общественными ценностями, нормами и законами.

Вглядимся в состояние великого Магеллана в тот момент его тяжелейшего путешествия, когда корабль вошел, наконец, в пролив, открывающий дальнейший путь кругосветному путешествию:

«...Этот краткий миг – великая минута в жизни Магеллана, минута подлинного высшего восторга, только однажды даруемая человеку... И тут происходит то, чего никто не осмелился бы предположить в этом мрачном, замкнутом в себе человеке. Внезапно сурового воина, никогда и ни перед кем не выказывающего своих чувств, одолевает тепло, хлынувшее из недр души. Его глаза туманятся, слезы, горячие, жгучие слезы катятся на темную всклокоченную бороду. Первый и единственный раз в жизни этот железный человек – Магеллан – плачет от радости».⁴

Человек по природе активен, он стремится к счастью, и источником его обладания является полнота проявления духовных и физических сил человека, высвобождение его энергии, что происходит непосредственно в деятельности, если она носит социальный характер. Для жизни в обществе и проживания удовлетворенности человеку необходим Другой, как некий отдельный автоном-

---

⁴ С.Цвейг. Избр. произв. В 2-х томах. – 1957, т.2, С. 451-452.

ный мир, взаимодействие с которым и порождает сравнение, сопоставление и оценивание своей жизни как таковой. Зависимость человека от присутствия в его жизни Другого обуславливает состояние удовлетворенности каждым отдельным моментом жизни либо отдельным определенным периодом жизни:

- без Другого не было бы существования человека на земле, отсутствовал бы сам факт присутствия проживания жизни;

- без Другого ни один человек не владел бы тем материальным богатством, которым оснастила нас всех современная цивилизация, благодаря разделению труда между людьми;

- без Другого человек оставался бы одиноким, лишенным общения с приятелями, товарищами, друзьями, любимыми, вне общения так и не приобрел бы способность осознавать свое «Я», лишенный Другого как зеркала;

- без Другого исключается потребность в творчестве, и сама творческая деятельность, доставляющая высочайшие минуты удовлетворения жизнью, лишенная социального спроса и предназначенная для других;

- без Другого жизнь протекала бы на уровне приспособления индивида к обстоятельствам и не нуждалась бы в преобразовании индивида в индивидуальность.

«В истинном счастье человека, как и в его совести, сливаются воедино личное и общее до такой степени, что решительно не представляется возможным отделить в нем одно от другого», – писал философ Я.А. Мильнер-Иринин.⁵

Отсутствие же удовлетворенности жизнью, то есть отсутствие счастья, сообщает о разрушении связей с Другим, как будто бы аннулирует их необходимость и значимость для человека. Отъединяясь от людей, несчастливый создает психологическую защиту, отвергая ценность других людей для его личностного существования. Например, он заявляет: «Хочу быть свободным и независимым – мне никто не нужен!» Но психология знает, какова горькая цена обретенной разорванной связи и одиночества человека как

---

⁵ Мильнер-Иринин Я.А. Этика, или Принципы истинной человечности. – М., 1999, с.366.

существа социального, способного жить только в обществе, быть счастливым лишь среди других людей.

Счастье является продуктом социальной жизни и предполагает проживание счастья отдельным человеком только в контексте социальных связей его с другими людьми.

У попытки понять сущность счастья огромная и интереснейшая история: счастье сводили к наслаждению; счастье пытались определить через символ топленого масла; счастьем называли отсутствие несчастья; к извлечению сущности счастья пробовали подобраться через понятие воли и цели; в счастье видели презрение к страданиям жизни. Заглянем далеко в прошлое, чтобы стать свидетелями напряженной мыслительной работы человеческого сознания, осмысливающего категорию счастья:

...Калликл:...Счастье-это наслаждение... если человек может исполнить все желания и радуется этому, то он живет счастливо.

Сократ:...Скажи мне, если кто страдает чесоткой и испытывает зуд, а чесаться может сколько угодно и на самом деле только и делает, что чешется, он живет счастливо?

Калликл: Что за нелепость, Сократ!...

Сократ:...но ты, конечно, не собьешься и не смутишься – ты ведь человек мужественный.

Калликл: Хорошо, я утверждаю, что и тот, кто чешется, ведет приятную жизнь.

Сократ: А раз приятную, значит, и счастливую?

Калликл: Совершенно верно.

Сократ: Тогда ли только, если зудит в голове, или... или можно дальше не спрашивать?

Калликл: Неужели тебе не совестно, Сократ, сводить нашу беседу к таким низостям?...⁶

На протяжении веков не останавливались поиски в философском определении счастья. И каждый новый исторический пе-

⁶ Платон. Соч. в 3т., т.1. – М., 1968, С.321-322.

риод требовал нового рассмотрения этой наиважнейшей категории, обозначающей человеческую проблему. Философия счастья (фелицитология) имеет свою давнишнюю историю: Аристотель обращался к проблеме счастья в книге «Никомахова этика», Сенека писал «О счастливой жизни», Фома Аквинский создал «Трактат о счастье», Гельвеций изложил теорию разумного эгоизма в поэме «Счастье», Фейербах анализировал счастье в работе «Эвдемонизм»... К феномену счастья то подходили с позиции психологии, то избирали точку зрения аксиологическую, то выявляли суть счастья в ракурсе социальном.

Своевольно, отступая от исторической последовательности, остановим внимание на художественной диалогии Н.Г. Помяловского – писателя 19-го века – «Мещанское счастье» и «Молотов». Стремление главного героя построить счастливую жизнь вопреки тяжелым обстоятельствам судьбы реализуется, и главный герой должен быть доволен плодотворностью своих усилий, имея дом, создав семью, выбившись из бедности и упрочив положение в обществе. Но почему-то долго и однообразно бродит он мысленно в поисках оправданий и аргументов:

«Что же делать, не всем быть героями... Неужели запрещено устроить простое, мещанское счастье...» – пытается сам себе доказать, что созданное им и есть счастье. Автор повести не спорит с героем, оставляя за нами право решать вопрос, но лишь добавляет: «Тут и конец мещанскому счастью. Эх, господа, что-то скучно...».⁷

О счастье говорят, как правило, итожа ход жизни, оценивая какой-то отдельный период жизни: «я прожил счастливую жизнь», «у меня было счастливое детство», «моя несчастливая юность» или «старость была несчастливой» и т.п.

Римский поэт Овидий пишет в первом веке до н.э.: «... не может быть назван счастливым раньше кончины никто», – понимая счастье как аккордную оценку жизни.

---

⁷ Помяловский Н.Г. Мещанское счастье. Молотов. – М., 1987, С. 244.

Счастье – духовная субстанция динамического процесса проживания состояния высокой удовлетворенности жизнью как таковой в виде аккордной эмоциональной оценки прожитого периода жизни.

С одной стороны, этот социально-психологический продукт мировой культуры подарил человеку удивительные моменты жизни, привязывающие его к жизни, увеличивающие силу инстинкта жизни, расцветивающие повседневное течение существования на земле. С другой стороны, этот подарок социально-психологической природы человека принес одновременно человеку страдания и терзания: человек жаждет счастья, познав его; он мечтает о счастье, не изведав его; он гоняется за счастьем; он не желает жизни без счастья и часто приравнивает цену счастья к цене самой жизни. К тому же, плата за счастье – то несчастье, которое заложено в самом счастье и неизменно сопутствует ему всегда, будучи второй стороной счастья.

Какое это счастье – вкусная калорийная пища! – Какое несчастье скрывается в калорийной вкусной пище!

Какое счастье – иметь много знакомых и друзей! – Какое несчастье не иметь времени на одиночество!

Какое счастье трудиться и создавать нечто на земле! – Какое несчастье уставать от напряжения, теряя силы во время трудового дня!

Какое счастье – иметь много денег! – Какое несчастье иметь множество денег, о которых приходится беспокоиться и проявлять заботу об их сохранности и преумножении.

Какое счастье – праздник, но только тогда, когда ему предшествовала напряженная плодотворная деятельность!

Самое большое разочарование для человека наступает с приходом ожидаемого счастья – оно приносит массу огорчений, забот, тягот, страданий. Не предвидя стоящего на пороге несчастья, человек полагает, что счастье его обмануло, что произошел перевертыш, что только с ним так несправедливо расправилась судьба, подсунув ему несчастье вместо счастья.

Быть счастливым вовсе не означает быть освобожденным от несчастья. Амбивалентность мира обуславливает постоянную феликсологическую дихотомию: с одной стороны, счастье имеет свою сторону несчастья, с другой стороны, несчастье обладает счастливой своей стороной. Такое последовательное деление целого на две части, одновременно выступающие как часть целого, усложняет проживание счастья, наделяя его неотъемлемыми спутниками: слезами, страхом, грустью, но и несчастье тоже сопровождая светлыми переживаниями («Печаль моя светла...» – пушкинское). Счастье амбивалентно, как амбивалентно все устройство мира.

К тому же, динамичность мира наделяет счастье динамической характеристикой. Счастьем обычно обозначают его вершину, тот момент проживания удовлетворения жизнью, когда состояние достигло своего максимального напряжения, кульминации, не замечая, что кульминационному моменту предшествовало проживание предвидения счастья, когда работало интенсивно воображение, рисовало картину желаемой ситуации, а также не фиксируя последующего проживания воспоминаний, которые дарит память.

Предновогодние переживания – яркий пример сказанному. Мы проживаем ожидание Нового года так остро и так глубоко, что когда этот ожидаемый миг вдруг наступает (бой курантов, звон бокалов, улыбки, поздравления, фейерверки, подарки), люди еще ждут чего-то, никак не соглашаясь принять обыденную текучесть времени.

Счастье занимает довольно длительное временное пространство. Зная об этой характеристике счастья, педагогу нетрудно оказывать помощь ученикам своим.

– Что мне делать? Она меня не любит! – в отчаянии говорит юноша.

– Любить дальше, – отвечает педагог.

Становясь привычным в длительном своем течении, счастье уже не проживается остро, становясь частью обыденного. Тогда человек пренебрегает им, ценя лишь отдельные краткие и сильные моменты эмоциональной оценки жизни.

И под счастьем полагает особое состояние как отдельное сильное переживание удовлетворенности собственной жизнью на данный момент. Поэтому, наряду с понимаем счастья как аккордной оценки жизни, существует понимание счастья в виде кратковременного момента состояния души как острого проживания удовлетворенности своей жизнью (на данный момент).

Говорят: «Я такой счастливый сегодня!» или «Какое счастье: сегодня Петров первый раз сам решил задачу!» – имеется в виду отдельное моментное состояние удовлетворенности жизнью, благодаря ее ходу в этот момент.

Но вот есть еще одна сложность нашего рассмотрения. Счастье не имеет предметной формы, не подвластно передаче, не может быть вручено кому-либо, не может быть отнято по прихоти кого-либо, никак не похоже на сундук, а значит, не подвластно захвату, не уподоблено добыче. Потому оно кажется многим эфемерной выдумкой. Его нельзя потрогать – значит, его не существует. Отрицание счастья успокаивает. Столь же успокоительным является суждение о том, что каждый счастье понимает по-своему и нет надобности в осмысливании его.

Поразительный социально-психологический парадокс: все жаждут счастья, но гонят прочь надобность в осознании счастья, и как только задумываются о счастье своем, вынуждены признавать отсутствие счастья. О нем не думают, когда его проживают, но, стоит лишь задуматься – считай, что счастье потеряно. Вероятнее всего, о счастье вспоминают при остром дефиците счастья.

Подчеркнем: счастье, несмотря на то, что содержит в себе элемент оценки жизни, проживается, природа его особенная: это эмоциональная, высокой меры реакция на жизнь, проживаемая очень остро, но это, одновременно, рациональная оценка жизни в тот момент, когда эмоции сообщают о явном положительном отношении к жизни. Будучи динамичным, счастье всегда имеет свое начало и свой конец. Когда говорят о неуловимости синей птицы счастья (Метерлинк), имеют в виду невозможность зафиксировать этот процесс, остановить это подвижное состояние. Даже уловить порой момент вспыхнувшего счастья, а тем более, остановить и рассмотреть («Остановись мгновенье, ты прекрасно!») -- не во вла-

сти человека. К тому же, счастье предельно, вечно проживать счастье невозможно, ибо психологическая структура человека не выдерживает предельного напряжения. Когда плачем от счастья, мы получаем сигнал от природы организма, сообщающего о высокой степени переживаний: слезы – симптом предельности.

Место расположения и обитания счастья – наша душа, личностная структура человека. Другого места у счастья нет.

Диоген, сидящий в бочке,⁸ – это символический образ философского положения об относительной независимости от внешних обстоятельств душевного проживания счастья: если оно, счастье, размещается в моей душе, а не вне меня, тогда не имеют значения такие средства существования, как жилище, одежда, питание... – тогда и бочка может стать местом обитания человека.

Диоген предупреждал, что счастье располагается только в самом человеке и нигде более, а значит, искать счастье каждому следует в самом себе – и нигде более. Люди же предпочитают искать счастье вне своего «Я» – тогда легко сослаться на невезенье и тяжелые обстоятельства.

Важно не перепутать острые преходящие ощущения, доставляемые некоторыми агентами, такими, как роскошь, вино, сигарета, секс, слава, власть, с глубоким внутренним духовным проживанием отношения к жизни или моменту жизни – но именно отношения к жизни, а не своим ощущениям.

Психологическая природа счастья – субъективное проживание личностного, индивидуально окрашенного и персонально обусловленного опытом жизни отношения. Еще раз подчеркнем: объект этого отношения – «жизнь». А это значит, что не деньги, не работа, не уют, не любовь, не платье, не красота тела, не слава и не власть (несмотря на то, что именно при обладании перечисленным обычно говорят: «Какой ты счастливый!») определяют проживание счастья, но – жизнь как таковая, какой она складывается в обобщенном образе в сознании человека. Оттого слепой может быть счастлив и несчастлив зрячий, начальник может страдать в несча-

---

⁸ Диоген Синопский (около 400-325г. до н.э.), древнегреческий философ, по преданию жил в бочке.

стью, а рядовые – купаться в счастье, миллионер -- умирать, не познав счастья, а живущие на скромные доходы -- наслаждаться счастьем.

В конечном итоге, тайна счастья скрыта в реальности процесса проживания отношения к жизни, которую открывает для себя человек на протяжении какого-то периода жизни на земле, так чтобы за этот период в сознании сложилась обобщенная картинка объекта, называемого «жизнь».

Видеть пробуждение жизни в подснежнике... Слышать голос жизни в пении птиц... Радоваться солнцу, несущему тепло жизни... Приветствовать строительство дома, где разместится жизнь семьи... Наблюдать игры детей, осваивающих роли будущей взрослой жизни... Проникнуться уважением к уроку, как активной жизни разума...

При отсутствии объекта нет присутствия отношения. Но и субъекта нет там, где нет объекта. Там же, где нет проживания субъектом отношения, отсутствует содержание жизни этого субъекта. Остается лишь добывание средств существования: человек бросается в поиски разнообразия доставляющих ему удовольствие агентов: «Сначала конфетку, потом конфетку с ликером, потом ликер с конфеткой, а далее только ликер...» (Лесгафт).

Если содержательный мир человека узок и однообразен, то человек станет искать все новые и новые формы острых ощущений, а это загоняет его в социально-психологический тупик, в котором он окажется, и выходом из такого тупика становится переход в мир извращений, правонарушений, преступлений. При условии же широких интересов и большого спектра значимых объектов, возможность проживать счастливое состояние увеличивается, раздвигаются рамки взаимодействия с миром, и количество агентов, доставляющих удовлетворенность жизнью, максимально увеличивается. Здесь важно следующее: то, что может доставить счастье человеку, должно быть *значимо* для него, присвоено душой, обрести личностный смысл.

Вот эпизод из жизни подростка, описанный в биографической повести Джеральдом Дарреллом:

Сначала я просто ошалел от этого буйства жизни...

*Мы возвращались через рощи, уже освещенные солнцем, где среди листвы виднелось множество яблоков – будто сотни монеток были нанизаны на ветвях. Пастух Яни выгонял на пастбище своих коз... Козы разбрелись среди оливок и громким меканьем окликали друг друга, впереди ритмично позвякивал колокольчик вожака. Звонко заливались яблоки, а в миртах, выставив свою грудь, словно мандарин, выводила свою тонкую трель малиновка. Пропитанный росой остров искрился в лучах утреннего света, всюду кипела жизнь... Что же, кроме счастья, можно было испытывать в такое время года?...*⁹

Заметим сразу: глаза мальчика должны были увидеть чудо жизни, чтобы прожить состояние счастья. Не всякому взрослому дано такое восприятие красоты природы.

К обобщенному объекту «жизнь» человек приходит через взаимодействие со множеством объектов, обнаруживая в каждом частном объекте черты жизни. Взаимодействие со множеством объектов, *значимых* для человека, определяют столь же множественное количество моментов удовлетворенности жизнью. Проживая моменты удовлетворенности во множестве ситуаций, человек обретает способность подняться на ступень выше, и пережить, в итоге, общую удовлетворенность всей жизнью. Допустим, пережив радость общения с товарищами, прочувствовав довольство от учебной работы, наполнившись восторгом во время театрального представления, испытав нежность к малышам детского сада, обретя гордость за общее школьное дело, человек, обобщая текущую реальность, приходит к выводу, что живет он «хорошо» и что можно квалифицировать его жизнь как жизнь счастливую.

Предварительным логическим выводом становится положение о том, что

педагог способен влиять на счастье своих воспитанников уже тем, что он расширяет ценностное пространство личности ребенка, предъявляя ребенку мир во всех его значимых сторонах жизни, наделяя объекты жизни потенциальной ролью агентов счастья.

⁹ Даррелл Джеральд. Моя семья и звери. – М., 1971, с.31, 82.

Вполне отдаем себе отчет в том, что с выдвинутым положением о плодотворности педагогического влияния не всякий согласится, указывая на бесчисленное количество факторов прямо противоположного духовного воздействия на подрастающее поколение, которые располагаются вне педагогической сферы: улица, телевидение, газеты, бытовые традиции, семья часто направляют воспитательные усилия в прямо противоположном школьному влиянию направлении. Признавая серьезность такого рода сомнений, все-таки в ответ предлагаем вслушаться в диалог педагога с детьми:

Педагог: Какое счастье – урок!

Дети (смеясь дружно): Это мрачная шутка?

Педагог: Вы хотите окончить школу и получить образование?

Дети: Конечно.

Педагог: А потом – хотите приобрести любимую профессию?

Дети: Хотелось бы.

Педагог: Иметь интересную работу, хорошую зарплату?

Дети: Спрашиваете?! Кому же не хочется?!

Педагог: И чтобы в доме было тепло, сытно, уютно и красиво?

Дети: Это так.

Педагог: А еще, наверное, чтобы была возможность любимым доставлять радость?

Дети: И – себе.

Педагог: Я правильно вас поняла: вы хотите счастья?

Дети: Все хотят.

Педагог: А урок – первая ступень к счастью. Он уже начало вашего счастья.

Дети (в ошеломленном удивлении): Вот это да!... Ну, вы дайте...

Педагог: Однако вы улыбаетесь. Вы согласны со мною?..

Дети: Получается, что так...

Педагог: Надо поверить. Итак, на урок – за счастьем!

Несомненно, этот педагог будет поражен, если ему сказать, что он ведет диалог с детьми, прямым образом воспроизводя утверждения философов И.Канта и Дж.С.Милля, говоривших, что

«обещание счастья» лежит в побудительных причинах поведения человека, что понимание интересов человечества и категорический императив морали недействительны для практического воплощения моральной нормы, если за нормой не скрывается «обещанное счастье». Счастье, располагаясь в душе человека, занимает вполне определенное место: оно выступает мотивом наших поступков, действий, деяний, деятельности и, в конце концов, жизнедеятельности.

Существует еще одна сложная сторона проблемы счастья. Именно потому, что счастье расположено в душе человека и является достоянием человека и продуктом его души, только человеку и дано судить о собственном счастье. Поэтому счастье всегда субъективно – о нем ведает сам человек, который его проживает. Но, в то же время, открыв закономерности его возникновения, общественное мнение приобрело умение распознавать счастье человека. Поэтому на основании объективных данных люди могут судить о счастье либо несчастье другого человека. Субъективность и одновременно объективность счастья порождают противоречивость ситуации. Прямо противоположные мнения окружающих и самого человека о том, что с ним происходит, разрушают часто добрые отношения и рвут дружеские связи. Подобная ситуация особенно опасна во взаимоотношениях родителей и детей. Родители небрежны со счастьем ребенка, игнорируя состояние его души, называя пустяками и чепухой душевные волнения. Столь же опрометчиво судит о школьниках учитель, высмеивая счастье либо несчастье, о котором дети имели неосторожность ему поведать.

Данное противоречие может быть разрешено уважительным взаимоотношением между людьми, признанием уникальности автономного мира каждого человека, непохожего ни на типичный облик пресловутого «нашего времени», ни на мир другой уникальной личности, имеющей свой вариант ценностной иерархии.

Многоплановость феномена счастья, открывающаяся для нас, должна бы стать серьезным основанием для нашего бережного отношения к собственному счастью. Но человеку трудно дается алгебра духовной жизни, даже зная природу счастья, он предпочитает отдавать себя во власть обстоятельств, уповая на удачно сделанный выбор. Современная цивилизация усложняет ситуацию выбора, разворачивая перед человеком непомерное обилие мате-

риальных благ, увлекая, завлекая и вовлекая его в столь же непомерное их потребление, порождая устойчивую иллюзорность счастья.

*«Только тем, что становится больше вещей, которыми можно владеть, а значит, выдумывают новые стимулы, чтобы их приобретали, и убеждают, что обилие таких вещей – это вот и есть благополучие, заставляют тебя поверить, будто все это тебе нужно, будто в этом состоит счастье».*¹⁰

Бесспорно, социальные влияния обладают колоссальным воспитательным влиянием на ребенка. Поэтому нельзя не согласиться, что воспитание не в силах определить окончательный исход становления и развития личности ребенка, что влияние педагога может быть смыто, скорректировано реальностью. Однако нельзя не учитывать и то, что школьная среда для ребенка наполнена особой, исключительной значимостью товарищества, и такая значимость преумножает педагогическое воспитательное влияние.

---

¹⁰ Хаксли Олдос. После многих весен. -- М., 1992, С.97.